

Он был выше всех, и не только ростом

Вопросы
и трудные,
и веселые,
и скользкие,
и в дни труда
и в дни парадов —
ставила, вела
и разрешала
«Комсомольская
правда»

„Комсомольская Правда“

газета ЦК и МК ВЛКСМ

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Представитель сего тов. *Маяковский В.В.*
работает в редакции газеты „Комсомольская
Правда“ *лит. сотрудником*

Ответств. секретарь

Завед. редакцией

Поэт работал «Хорошо»...

В биографии Маяковского до сих пор остается пласт, который ждет своего исследователя. Даже в самое полное собрание сочинений поэта не вошло многое им написанное. Маяковский сказал о себе в автобиографии «Я сам»: «Основная работа в „Комсомольской правде“, и сверхурочно работаю «Хорошо».

Своим удостоверением постоянного сотрудника «Комсомолки» № 387 Маяковский, по словам друзей, гордился не меньше, чем советским паспортом. Причем в газете поэт никак не подпадал под роль свадебного генерала, работать ему приходилось каждый день. Бывали недели, когда ни один номер «Комсомолки» не выходил хотя бы без одного стихотворения Маяковского.

По материалам, накопленным за время сотрудничества

с газетой, были написаны пьесы «Клоп» и «Баня». Все свои многочисленные поездки за границу Маяковский считал прежде всего редакционными командировками.

«Комсомольская правда» не раз обращалась в различные инстанции, беспокоясь о попавшемся душевном и физическом здоровье поэта. Одно из писем «наверх» (до этого не публиковавшееся): «Мы считаем необходимым... дать возможность тов. Маяковскому использовать заграничную поездку для врачебной консультации, для отдыха, которым он не пользовался в течение двух последних лет».

Одно из своих стихотворений Маяковский назвал «Комсомольская правда». В нем он признается в любви к газете.

Александр БЕЗЛЕПКИН.

...и пил пиво

в буфете Камерного театра

Все в этом мире связано единым. Даже воспоминания, тянущиеся из далекого в сегодня. Вот он тяжело и громко вышагивает по коридору. И Иосиф Уткин, и Джек Алтаузен уже знают: к ним в отдел литературы «Комсомолки» идет Владимир Маяковский. Тогда поэты Светлов, Жаров, Безыменский ходили в редакцию, как на работу. Но и среди этих звонких имен Владимир Владимирович возвышался глыбой: был выше всех, и не только ростом.

Он здоровался, бережно, будто драгоценность, вешал пиджак на спинку кресла. Иногда отправлялся вышагивать по длинному коридору третьего этажа, где по правую сторону находились комнаты «Комсомольской правды», по левую — газеты «Беднота». А Маяковский частенько хмурился, доставал из кармана не первой свежести блокнот, делал пометки и опять шагал с папиросой в углу рта, с толстой палкой, зацепленной крючком на согнутой левой руке. В такие минуты к нему не подходили: на собственном опыте убедились, что может ответить резковато. Да и не замечал он никого. Возвращался в отдел литературы, садился и объявлял: «Теперь могу почитать».

Случалось, заглядывал к главному редактору Тарасу Кострову. Его мнением дорожил и доверял вести свои поэтические вечера в клубе «Правдист» по Малому Черкасскому переулку.

Но больше Уткина с Алтаузенем и Кострова с Чаровым доверял Лидии Вельт. Именно ей диктовал свои стихи. И не было у него критика строже, чем красавица машинистка, проработавшая, кстати, в «Комсомолке» до середины семидесятых.

— Непонятно у вас, Владимир Владимирович, — рискованно замечала она. — Надо яснее.

Маяковский прекращал диктовать. Задумывался, сам выкручивал с валика машинки продиктованное и отправлялся в обычную прогулку. Ис-

правлял огрызком мягкого карандаша, возвращался в мажор и диктовал, вопросительно поглядывая.

— Теперь как надо, — подбадривала машинистка.

— Я и сам думал, что-то не так, — облегченно улыбался Маяковский.

А уж когда шли стихи, типография не видывала более аккуратного дежурного. Утром он вычитывал гранки, изредка правил. Поздно вечером снова приходил в ночную редакцию в типографию «Искра революции»: обязательно просматривал оттиск полосы.

В дни выплат нещедрых гонимых бухгалтеров ожидали его прихода с долей тревоги. Свое неудовольствие Владимир Владимирович мог выразить столь же громко, как и во время чтения собственных стихов. Но успокаивался быстро, а если оказывался в хорошем настроении, приглашал сотрудников из отдела литературы:

— Пойдемте выпьем пива.

Пиво — всегда с раками — предпочитал пить в столовой рядом с Камерным театром. Иногда первая кружка проходила хорошо, и тогда за ней следовала вторая... И с такими островами, рассказами...

Когда болел, то звонил, спрашивал, нет ли чего для него. И тогда самого молоденького сотрудника из отдела литературы посылали к Владимиру Владимировичу в Лубянский проезд в комнату «лодочку» — уютную и светлую. Маяковский усаживал, расспрашивал, никогда не отпущал без чая и бутерброда.

Из этой комнаты-лодочки он и ушел. Кажется, из «Комсомолки» ушли все, кто был с ним рядом: Уткин, Алтаузен, тот младшенький из литературного, который мне все это по-отечески и рассказыывал. Недавно умерла и Вельт. Даже его площадь, где высится глыба, и ту переименовали. Может, в честь столетнего юбилея.

Ушли все. Кроме воспоминаний. И стихов.

Николай ДОЛГОПОЛОВ.